

«Надо говорить
о времени
вовремя»

Литовский режиссер Оскарас КОРШУНОВАС известен в России своим театром активной социальной позиции: он начал ставить острые, резкие тексты драматургов новой волны лет десять назад. Коршуновас по своему продолжил традицию сильного литовского театра, настаивая на том, что театр нужен только тогда, когда о своем времени говорит вовремя.

Для этого «подвинул» режиссуру и стал менеджером собственного фестиваля «Сирены», в центре внимания которого — проносящийся со свистом сегодняшний день.

У театра О.К.Т. (Oskaras Korshunovas Theatre) много театральных наград, длинный список нашедших спектаклей (из которых в Москве можно регулярно видеть «Смерть Тарелкина» в театре «Et cetera») и жуткий офис в подвезде заброшенного дома в центре Вильнюса. Соседи по подвезу — солдатский комитет по вопросам Чечни и партия анархистов-либералов. Единственно возможные соседи для театра, не желающего фарисействовать за государственные деньги.

Что происходит с любимым в России литовским театром на самом деле, Оскарас Коршуновас рассказал «Новой».

— В 2007 году Литва, уже вступившая в Евросоюз, войдет в Шенгенскую зону. Какую социальную роль вы отводите «Сиренам»? Мостика между Россией и Европой?

— Литве необходим международный фестиваль. Сколько бы в России и мире ни любили литовский театр, ни относились трепетно к литовским режиссерам, здесь очень много провинциальных моментов. Театр О.К.Т. давно ездит по миру и одним из первых заметил разницу, если не сказать огромную пропасть, между ситуацией в литовском и мировом театре. Для России эта проблема, кстати, тоже очень актуальна. Российский театр очень замкнут на себя. Тут у литовского и российского театра общая беда: в своей массе театры очень несоциальны. Но театр сегодня — куда более широкое понятие, чем здание, в котором одна труппа играет один репертуар. Понятие границ сильно размывается сегодня для всех. Театр не пересекается с современной жизнью — как вы можете себе это представить? И тем не менее мы все еще живем в эпоху такого театра. На сцене льются фарисейские речи о философских глубинах, даются догматические представления о том, что такое хорошо, но это ханжество не имеет связи с реальностью.

— Что из московского репертуара кажется вам образцом адекватного современного театра?

— Допустим, Серебренников. Даже в тех спектаклях, где он работает не с современными текстами. Театр.doc. Видел интересный спектакль Анатолия Васильева «Из путешествия Онегина».

Поскольку Литва теперь часть Европейского союза, реальность сильно меняется — и в Литве, и в Европе. Соответственно меняется понимание себя, страны и пространства, в котором живешь. Жизнь и работа людей больше не ограничиваются только Литвой, и театр не может быть ограничен. У граждан Литвы есть вот такой паспорт (показывает персональную идентификационную карту зеленого цвета, больше всего похожую на карточку ISIC. — Е.В.) — с этим паспортом можно купить билет и ехать и лететь, куда тебе надо, без всяких виз. Такая карточка меняет сознание. С ней можно работать в Лондоне или Берлине без особых проблем. Потому много молодых литовцев уезжают из страны совсем.

В советские времена мы очень хорошо ощущали власть, ясно понимали, что она нам дает хорошего и что дает плохого. Ограничения были ясны. Сегодня инструменты идеологии и манипуляции почувство-

О том, что театр должен жить сегодня и интересоваться сегодняшним днем.

— Когда театр потерял социальность?

— В Литве — в конце 80-х, наверное, хотя социальная жизнь стала очень активной. До этого театр много говорил о современности, но языком Эзопа. Метафорический театр сильно развился и достиг больших высот. Сегод-

особенно старшее поколение, именно неэлитарность этого типа театра.

Театр, по своей сути эфемерный и временный, не может существовать, если не говорит о времени вовремя. Иначе он сразу — музей или странная декорация. Современный театр не может существовать без фестивалей, нравится это кому-то или нет. На фести-

Наш общий
язык — Эзопов

Но современная драматургия возвращает нам слово

Дмитрий МАТВЕЕВ

вать труднее, хотя ограничений тоже хватает. Потому «Сирены» в этом году и посвящены социальному театру. Театр по своей сущности социален. Театр сам по себе — активное социальное действие. Нигде не чувствуется социум как общность людей так, как здесь. Каждый человек, заняв свое место в зале, становится общественным, потому что подключается к одному для всех действию. Подключается к массовому психозу, если хотите. Обнаруживает свои реакции, делится ими.

— О чем воют «Сирены»?

— О новой социальной реальности и человеке в ней — вот о чем воют «Сирены».

нынешнему театру метафорический язык не нужен в качестве основного инструмента. Театр потерял вкус запретного плода с отменой запретов на театр, на свободную мысль. И фигуративное мышление потеряло свою ценность в одночасье. Оно зрителю стало неинтересно!

Надо вспомнить еще, что социальный театр языково связан с соцреализмом и потому несет в себе негативный смысл. Люди отвергают термин на уровне языковой памяти. А метафорика стала неживой элитарностью, к которой многие привыкли. В современном театре пугает,

вале понимаются масштаб, контекст, в современной ситуации нет другой возможности для встреч, вырабатывания общей стратегии для людей с похожими интересами. Интернет интернетом, а видется надо.

В Литве почему еще тревожная ситуация — тут литовское самонимение. Фестиваль помогает сбивать неправданную спесь с местных режиссеров, не имеющих часто представления о том, что происходит в соседней стране, то есть им вроде как и не надо знать, ездить, они не пользуются возможностями литовского паспорта.

— Расскажите подробнее, какова изнутри литовская театральная ситуация?

— Талантливая молодежь, слава богу, есть. Вот Гитис Иванаускас (известный в Литве актер и танцовщик. Играет во многих спектаклях Коршуноваса и каунасском театре. — Е.В.) открыл на днях свой театр. Но в Литве за последние годы поменялось все, кроме

театров, они какие были в Советском Союзе, такие и остались. Госдотации получают государственные театры, которые не занимаются экспериментом, они устарели морально и живут по инерции. Интересные имена? К именам Някрошюса, Туминаса, Варнаса, Карбаускаса надо добавить имена Янкавичюса, Граужиниса. Мы помогли литовским театрам ездить на гастроли через фестивальную национальную шоу-кейс. Следующая цель «Сирен» — делать копродукции перспективных литовских режиссеров с европейскими и российскими театрами.

— И что, современный театр, отказавшись от языка метафоры и пережив уничтожение цельности слова постмодернизмом, находит спасение в новой драматургии?

— Метафорический язык убивал слово. В современной драме слово цельно, полно, осмысленно, искренно. Может быть, даже чересчур. Чтобы снять это «черес-

чур», мы передаем излишки искренности классике, ставя классику как современный текст и современные тексты — как классику. На этом принципе строится театр О.К.Т. Вы не понимаете — современная драматургия вернула нам слово.

— Как литовский театр существует между тремя языками? Англоязычный литовский театр — это вопрос времени?

— Думаю, что англоязычного театра в Литве не произойдет, как не произошло театра русскоязычного. Мы много ездим, играем на литовском, и нас понимают, потому что язык театра — универсален.

Конечно, театр формирует большее смысловое пространство, чем может создать слово при всей его ценности. Слово — только вершина театрального айсберга.

— Через что тогда, если не через язык, происходит интеграция в европейский контекст? Как литовский театр помогает сохранить самоидентификацию литовцев?

— Самоидентификация — что это такое на самом деле? С чем идентифицироваться — с человеком предвоенного времени, с XVI веком? С советским временем? Идентификация себя происходит через понимание своего времени и себя в нем. Тогда ты сможешь понимать и своих предков. Очень популярная в Литве идеологическая догма — что мы должны идентифицироваться со своим прошлым, которое чище и лучше. Это блеф, потому что такая идентификация происходит с выдуманным прошлым, которое призвано восполнять сегодняшние недостатки. Поиск корней, морали, правды, этических установок в прошлом — это чистое ханжество, ложная идеология, которой активно пользуются консерваторы. Мы об этом ставили «Ромео и Джульетту» — получилось о конфликте традиций и жизни современной Литвы. Веронцы ненавидят друг к другу понимают как чувство правды. Правда Капулетти в том, что они лучше Монтеки, и наоборот — на этом стоит вся традиция. Никто не помнит, откуда вражда началась, но ненависть организует их жизнь, составляет ее смысл. Ромео и Джульетта — единственные дети Вероны, и, когда они умирают, умирает Верона.

Никто здесь не говорит о том, что современность надо принимать безоговорочно. Ее надо принимать критически и искать выходы в ней самой сейчас, а не потом или в прошлом. Ведь даже за мою жизнь уже дважды поменялся уклад жизни Литвы, ее экономическое пространство, дважды переписали учебники.

— На каком языке вы думаете?

— На литовском, конечно.

● Екатерина

ВАСЕНИНА,
наш спец. корр.
Вильнюс — Москва

«Каждый человек, заняв
свое место в зале,
становится общественным.
Подключается к массовому
психозу, если хотите»